

ВОЕННО-ФАНАТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

**ШТУРМАН
ПОДПЛАВА
Торпеда для
«попаданца»**

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Заградотряд времени», «СМЕРШ времени» и «Штрафбат времени»! Первый роман о «попаданце» на Великую Отечественную войну, ставшем торпедистом, штурманом подплава, командиром советской подводной лодки. Ему предстоит помериться силами с лучшими асами Кригсмарине, участвовать в самоубийственных атаках на вражеские гавани, топить не только суда, но и боевые корабли, и даже брать на abordаж германскую U-boot. Он узнает, какова на вкус вода Баренцева моря и как быстро жизнь покидает тело в этой ледяной купели, насколько малы шансы уцелеть, попав под серию глубинных бомб, каково это - играть в прятки со смертью и бредить от удушья в полузатопленной подлодке, какую страшную цену приходится платить за право быть «первым после Бога» и до чего же прав чертов Ницше: «Wenn du lange in einen Abgrund blickst, blickt der Abgrund auch in dich hinein» («Когда ты всматриваешься в Бездну - Бездна заглядывает в тебя»).

- [Юрий Корчевский](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
-

Юрий Корчевский

Штурман подплава. Торпеда для «попаданца»

Многие совпадения имен, фамилий и событий являются случайными.

ПЕРВОЕ ПОГРУЖЕНИЕ

«Ваше благородие, госпожа Удача,
Для кого вы добрая, а кому - иначе...»

Долго шел к своей мечте Володя. Родившийся в Переволоцке, маленьком степном городке под Оренбургом, где моря и близко нет, он грезил морской службой. Книг ли начитался о морских пиратах - той же Черной Бороде, или фильм «Адмирал Нахимов» произвел на него такое впечатление, но в мечтах он видел себя только военным моряком. Ребята в его выпускном классе разговаривали об учебе в престижных вузах или на престижных факультетах вроде юридического или экономики и финансов. Родители его хотели, чтобы сын учился на инженера-газовика или нефтяника.

- Сынок, - поучал его отец, - вот я - механик на автобазе, а мать - воспитательница в детском саду. Посмотри, какие у нас зарплаты! А у газовиков - ого-го!

- Хочу в военно-морское училище, - упрямо твердил сын.

- Вот у нас в соседнем подъезде офицер живет, - не отставал отец, - так он по вечерам таксует на своей машине. Думаешь, от хорошей жизни?

Но Володя только сопел и опускал глаза.

И все равно он сделал по-своему. После окончания школы, едва получив аттестат, он собрал вещички и поехал в Санкт-Петербург. Оказалось, что в городе не одно военно-морское училище: было училище имени Фрунзе и второе - подводного плавания имени Ленинского комсомола.

Володя выбрал училище для подводников - на его взгляд, это было круто. Самая что ни на есть мужская профессия.

Прежде чем отдавать документы в приемную комиссию, он поговорил с курсантами и выбрал штурманский факультет. И ни разу потом не пожалел о своем выборе.

Учился он легко, знания схватывал на лету, от нарядов не увивал.

Годы учебы пролетели быстро. За год до окончания училища оба учебных заведения объединили, назвав получившееся Морским корпусом Петра Великого.

В Санкт-Петербург Володя просто влюбился. Их водили с экскурсиями по музеям, в Петропавловскую крепость, он побывал в Петергофе и Царском Селе. Но он также хорошо понимал, что Балтика - не его место службы. Море мелкое, подводным лодкам простора нет, глубины. Черное море заперто проливом Босфор, серьезному флоту там делать нечего. Поэтому он решил настаивать на Северном флоте. Ударная сила Российского флота именно там. Как выпускник, получивший красный диплом, он имел право выбора.

Перед выпуском по старой доброй традиции выпускники чудили - полагалось натереть до блеска интимные части тела бронзовому коню на Аничковом мосту.

Городские власти о давнем чудачестве курсантов знали и на ночь выставляли у моста милицейский пост, однако же коней это не спасало. Курсанты находили способы отвлечь милиционера, изображая потасовку по соседству или забрасывая его многочисленными вопросами. В это время наиболее лихой курсант взбирался на постамент и суконной тряпкой с пастой ГОИ натирал коню интимные места. Утром конь блистал перед горожанами натертыми

причиндалами. Может, милиция просто закрывала глаза на такое чудачество или смотрела на это сквозь пальцы, но традиция свято соблюдалась, поскольку существовало убеждение, подкрепленное практикой, что курсант, подобравшийся к коням, станет адмиралом. Примеров было много.

Когда начальник училища, контр-адмирал О.Д. Демьяненко под звуки оркестра вручил выпускникам дипломы и лейтенантские погоны, Владимир вдруг четко осознал, что - все, учеба позади и он теперь настоящий морской офицер.

Строем, чеканя шаг, выпускники прошли мимо отцов-командиров, вскинув руки к козырькам у знамени. Потом по традиции швырнули вверх мелочь и подбросили фуражки.

Выпускникам полагался месячный отпуск, после которого они должны были прибыть к местам службы. Некоторые, будучи еще курсантами, успели жениться, Володя же остепениться пока не решил. Гарнизоны, где располагались дивизии или флотилии подводных лодок, были в местах глухих. Там было неважно с жильем, некуда выйти вечером, поскольку, кроме Дома офицеров, никаких развлекательных заведений на многие километры вокруг иногда не было. Учитывая северный климат с его ветрами и зимой девять месяцев в году, а также длительными походами, жениться Володя не хотел. Слышал он уже от лейтенантов, как распадались семьи. Избалованные Северной столицей, соблазненные красивой морской формой парней, девушки не представляли себе всех тягот жизни в отдаленном морском гарнизоне. Да и с работой по специальности у женщин в военных городках было плохо, тому же визажисту или дизайнеру интерьеров.

Почти месяц Володя отдыхал в родном городке. На радостях родители приглашали гостей, настоятельно прося сына надеть форму.

- Мам, ну что я как свадебный генерал! - отнекивался Володя, но форму надевал. Он видел, чувствовал, что родители гордились им. В их городке он был одним из немногих моряков и первым подводником. Девушки на улицах заглядывались на статного молодого офицера в черной морской форме с кортиком на ремнях, строили глазки.

Отпуск пролетел быстро, Володя даже не со всеми старыми друзьями успел встретиться. Мама на прощание всплакнула у вагона:

- Ты пиши почаще, сынок, и береги себя.

- Да ладно тебе, мам! Чего писать, когда телефон есть?

- Как доберешься, сообщи!

- Обязательно!

Тепловоз дал гудок, проводница попросила занять свои места. Володя неловко чмокнул мать в щеку, обнял отца и вскочил на подножку медленно проплывающего мимо него поезда.

Ехать пришлось долго, с пересадкой в суетной Москве, и только на пятый день он прибыл в Гаджиево, расположенное на берегу бухты Ягельной. Представился отцам-командирам, был приписан в экипаж и поселился в офицерском общежитии.

В Гаджиево его ждало первое небольшое разочарование. Он мечтал служить на подводном атомном ракетносце, а попал на дизельную подводную лодку 877-го проекта. Лодка хоть и была недавней постройки, однако с атомоходом сравниться не могла. Она имела 2325 тонн подводного водоизмещения, была 72 метра длиной, имела 240 метров глубины погружения и 60 членов экипажа. Вооружена была шестью торпедными 533-миллиметровыми торпедными аппаратами в носовой части и имела автономность 45 суток.

Однако на флоте, как и в армии, место службы не выбирают и приказы не обсуждают.

Володя познакомился с офицерами подводного корабля. Лодка была создана для уничтожения надводных и подводных кораблей, для защиты своих баз и охраны морских коммуникаций. Володя же мечтал о дальних океанских походах, россыпи звезд с Южным

Крестом над головой, о всплытии на Северном полюсе. Но он надеялся, что, послужив немного на дизельной лодке, сможет перевестись на атомную.

Только служить сразу не пришлось. Сначала вместе с другими молодыми офицерами и мичманами его отправили на учебно-тренировочный комплекс, созданный в Гаджиево еще в 1967 году. Там был учебный отсек подводной лодки, где проходили тренировки, обучающие борьбе за живучесть корабля. Без них ни один подводник не имел права выходить в море.

Моряки надели гидрокостюмы, индивидуальные дыхательные аппараты и спустились в учебный отсек. Внезапно из отверстия в борту мощным потоком хлынула вода.

В училище проходили подобные тренировки на живучесть в условиях затопления или пожара, но там обстановка не была столь реалистичной.

На пробойну завели пластырь, потом деревянный щит, попытались поставить подпорку. Но она оказалась длинновата, пришлось пилить ножовкой.

Как бы это странно ни казалось, даже на атомных, современнейших подлодках в каждом отсеке есть щит, на котором находятся топор и ножовка именно для таких целей.

Пилить ножовкой в гидрокостюме было чрезвычайно неудобно - мешали резиновые, скользкие от воды перчатки.

Только они успели укрепить подпорку, как вода хлынула в другом месте - даже не успели перевести дух.

И снова работа на скорость. Чем медленнее устраняется поступление воды, тем серьезнее последствия. А проверяющий стоит с секундомером, оценивает качество заделки учебной пробойны и время.

Группа уложилась в отведенный норматив.

На следующий день тренировались в тушении пожара на борту в другом учебном отсеке.

Форсунки выбросили в отсек струи горячей солянки. В отсеке стало жарко, как в аду, не хватало воздуха.

Пожар ликвидировали средствами ЛОХЗ - такие стояли на подводных лодках.

Лодка простояла у пирса еще две недели. За это время Володя успел облазить и изучить все шесть ее отсеков. А потом лодку перевели в 161-ю бригаду подводных лодок в город Полярный.

Бригада была укомплектована из лодок однотипных, одного проекта - 877-го. Лодки носили имена российских городов - «Липецк», «Новосибирск», «Владикавказ», «Магнитогорск», «Калуга», «Ярославль». Но имена - это больше пиар, поскольку над лодками шефствовали одноименные города. Учитывая бедственное положение флота, города помогали подарками, посылали призывников. А на флоте лодки носили номера. Тот же «Липецк» имел бортовой номер Б-177, а «Магнитогорск» - Б-471. Лодка, на которой служил молодой лейтенант, имела номер Б-402.

Город Полярный был главной базой кораблей Северного флота России. Располагался он в 35 километрах от Мурманска, чему молодые офицеры были очень рады. В самом Полярном податься после службы было некуда. А Мурманск - под боком, всего полчаса езды на машине. Город большой, полно магазинов, развлекательных центров, а главное - девушек. Все же парни - народ молодой, до женского пола охочий.

Володя жил в офицерском общежитии, в одной комнате вместе с командиром торпедно-минной группы своей подлодки, старшим лейтенантом Иваном Андреевым. Парень серьезный, основательный, он много рассказывал о Северном флоте, о морской базе в Полярном и о самой лодке и ее экипаже.

- Из новичков в экипаже двое - ты да мичман Колычев из трюмной команды, да и то он на другой лодке служил. Экипаж спаянный, сработался, а для походов это важно. Командир толковый. Жаль только, поговаривают - в Гаджиево или в Видяево уйдет на повышение, на

атомную лодку. У нас-то, на дизельных, район плавания невелик - охрана района, то, се. А на атомных и экипаж побольше, и задачи серьезней, по службе продвинуться можно.

О продвижении по службе в душе мечтал каждый. Как говорится, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом.

- Только смотри, наш командир разгильдяйства не терпит - ну там опозданий или, что еще хуже, коли с душком после вчерашнего заявишься. После первого раза сам накажет, а повторишь - спишет на берег, в ту же четыреста семьдесят восьмую базу.

О береговой базе бригады Володя уже слышал и туда не хотел: заниматься снабжением лодок минами, торпедами, продуктами, топливом - словом, всем тем, без чего лодка в море обойтись не может. Это тоже служба, но служба в тягость, хозяйственная, а не морская. Хотя некоторым мичманам и офицерам, особенно семейным, она нравилась. Всегда на суше, после службы - домой. Жена под боком с семейными обедами, дети под приглядом.

У тех, кто служил на атомоходах, было иначе. Вернется моряк после долгого похода, а у него ребенок уже родился, а то и первые шаги без отца сделал. И денежное довольствие не сказать что большое - у лейтенанта сорок пять тысяч деревянных. Стало быть, было еще что-то, что заставляло мужчин уходить в море надолго, а иногда и навсегда - как «Комсомолец» или «Курск». Были аварии и катастрофы на других лодках, только не сообщалось о них в прессе, держалось под секретом. Например, К-129, погибшая в октябре 1986 года.

Наступил ноябрь, а с ним и полярная ночь. Темень круглосуточная, время можно было определить только по часам. Для Владимира это явление было в диковинку - в Санкт-Петербурге были белые ночи, когда небо просто серело, как в пасмурный день. А тут как ни посмотришь в окно - темно. Первое время даже сон нарушался.

Наступил день первого выхода в море на боевое дежурство. Владимир немного волновался. У него будут самостоятельные вахты, он будет прокладывать курс для лодки. Да, на лодке есть новейший, малогабаритный навигационный комплекс «Андога», непрерывно прокладывающий курс, но это компьютерное хозяйство может зависать и ошибаться.

Буксир отвел подлодку от пирса, где были пришвартованы еще несколько лодок их, 161-й бригады подплава. Сброшены буксировочные концы.

С неба хлопьями падал мокрый снег, ветер задувал во все неплотности одежды. Полярный едва проглядывался огнями на берегу Екатерининской гавани.

Городку уже больше ста лет. Основанный летом 1896 года как порт Александровск, он в 1939 году был переименован в город Полярный и являлся одной из баз Военно-морских сил Северного флота.

Вместе с командиром лодки Володя стоял наверху, на рубке. В темноте моргал прожектором маяк Чижовский.

Лодка взревела ревуном и дала малый ход, выбираясь из гавани. Черная, она не выделялась на фоне свинцовых волн залива.

- В лодку, погружаемся! - скомандовал командир.

Они задраили люки и спустились в центральный пост. После ветра со снегом теснота центрального поста показалась уютной и теплой.

- Задраить отсеки, погружение! - объявил командир.

Зашипел в балластных цистернах воздух, вытесняемый забортной морской водой. Пол под ногами качнулся и стал уходить вниз - ощущение было в чем-то схоже с лифтом. Предстояло сделать вывеску - пробное погружение на небольшую глубину и дифферентовку лодки в подводном положении. Из-за разного количества грузов - торпед, запасов топлива, продуктов - лодка могла иметь дифферент на корму или нос. В специальные дифферентовочные и уравнительные цистерны принималась вода, чтобы лодка имела горизонтальное положение и

нулевую плавучесть под водой. Этим занимались матросы и мичманы БЧ-5, трюмная команда.

Лодку отдифферентовали и уравнили.

- Осмотреться в отсеках! - прозвучало по громкой связи.

Экипаж осматривал отсеки - нет ли поступления забортной воды из-за неплотно закрытого или заклинившего клапана. Затем отсеки начали докладывать командиру: «Первый - сухо!» Первый отсек - это торпедные аппараты в носу лодки.

По очереди доложили все. Командир удовлетворенно кивнул.

- Акустики!

- Прямо по курсу - буксир!

- Погружение на тридцать метров!

- Есть!

Боцман заработал рулями, лодка опустилась на безопасную глубину. Подводные лодки этого проекта имели перископную глубину 17 метров. На этой глубине командир мог поднять перископ и осмотреть водную поверхность, также мог работать дизель через шахту шнорхеля. В таком состоянии лодка под водой была невидима глазу стороннего наблюдателя и могла идти не на электромоторах, сажая аккумуляторы. Но и вероятность столкновения с надводными судами была велика. Выручали акустики и радиолокатор.

Через некоторое время они вышли в Баренцево море. Владимир следил за картой на «Андоге», периодически его проверял командир БЧ-1, или, иначе, штурманской группы, старший лейтенант Бессонов.

Время от времени от акустиков поступали сообщения о шумах на поверхности.

Каждый класс корабля имеет свои акустические шумы, создаваемые винтами, работой дизелей, обтеканием корпуса водой. По этим шумам, улавливаемым аппаратурой, акустики определяют класс корабля, дальность курса, скорость. Акустики - «уши» корабля. Но в море много естественных шумов: шум волны, писк и рев китов, касаток, черных «курильщиков» - подводных вулканов, и акустикам не всегда просто отличить природные шумы от шумов, создаваемых надводными или подводными кораблями. Однако в этом и состоит искусство акустики.

Каждая страна, имеющая военно-морской флот, стремится выпустить корабли и подлодки, максимально незаметные для акустиков и радиопеленгации. Проект 877 отличался малозумностью, чему способствовали малые обороты единственного шестилопастного винта и особое покрытие корпуса лодки.

Подводные лодки 877-го проекта, названного у нас «Палтусом», натовцы причисляли к классу Kilo и не любили за трудность обнаружения, дав им прозвище «Черная дыра».

Лодка периодически меняла курс и глубину, патрулируя выделенный ей район. Штурманы, как и весь экипаж, несли трехменные вахты. Хорошо, что на лодке прилично кормили и была душевая. И отоспаться можно было спокойно в двухместных каютах. И воздух был чистый, регенерированный.

Воздух для подводных лодок вообще был проблемой номер один. Длительность погружения субмарин во Вторую мировую войну лимитировалась запасами воздуха. Без него экипаж не мог дышать, не работал дизель для заряда аккумуляторных батарей. Чтобы их не обнаружила вражеская авиация, лодки вынуждены были всплывать по ночам - вентилировать отсеки и запускать дизель. Экипаж посменно выходил на мостик и дышал свежим воздухом. А воздух на тех подлодках был спертый, с высокой влажностью и неприятно пах. Уже после войны были разработаны регенераторы с заменяемыми патронами химреактивов, позволявшие экипажу нормально дышать и не всплывать периодически.

Атомные подводные лодки могли не появляться на поверхности месяцами, иногда в

течение всего похода. Дизельным лодкам приходилось всплывать для зарядки батарей максимум через десять суток.

Настал такой день и для подлодки, где служил Владимир. Она всплыла на перископную глубину, выдвинула шнорхель, запустила дизель. Отсеки начали вентилироваться свежим воздухом.

После ужина к Володе подошли офицеры, свободные от вахты:

- Пошли, посвятим тебя в подводники.

Володя и не думал сопротивляться. Российский флот имел давние традиции, всех и не перечислить. Например, выход в море в пятницу 13-го числа должен был быть перенесен на другой день под любым предлогом. Ступать на палубу можно было только с правой ноги; находясь на палубе, нельзя было свистеть и плевать, нельзя было выходить на нее без головного убора. Ну а про то, что женщина на корабле - к несчастью, знали не только моряки, но и люди сухопутные.

Существовал ритуал посвящения в подводники. Обычно новичков проводили через этот ритуал после первого погружения независимо от звания.

Обычно снимался плафон освещения, заполнялся забортной морской водой, и причащаемый должен был выпить содержимое до дна. Хорошо, если плафон был небольшой, от лампы аварийного освещения, миллилитров на 300. А ведь были и значительно большие - на 500, а то и на все 700 миллилитров.

Володя не морщась выпил ледяной воды под шумное одобрение офицеров. После этого следовало поцеловать подвешенную и раскачивающуюся кувалду. Это был больше тест на сообразительность и скорость реакции. Если успеешь чмокнуть холодный металл кувалды вдогон - молодец. Некоторые целовали кувалду, летящую навстречу, и лишались зубов.

Этот тест Володя благополучно прошел и получил в награду воблу - посвящение в подводники шло строго по ритуалу.

Потом офицеры прошли в кают-компанию и выпили положенные подводникам пятьдесят граммов сухого вина. А дальше, как всегда в мужских компаниях, стали травить флотские анекдоты. Кое-какие Володя слышал впервые.

Лейтенант Котин из Б47 - группы управления, завзятый рассказчик, начал:

- Идет торговое судно, рядом всплывает подводная лодка. Из открывшегося люка высовывается пьяный подводник и кричит:

- Эй, кэп, где здесь Дарданеллы?

- Держи зюйд-зюйд-вест.

- Что ты зюзюкаешь, ты пальцем покажи!

Анекдот был с «бородой», но Володя слышал его впервые.

Травить байки начал лейтенант Никифоров из БЧ-4 - группы связи.

- Выходят из кабака два пьяных в дым лейтенанта - пехотный и морской. Пехотинец качается.

И ГОВОРИТ:

- А как мы найдем дорогу домой?

Моряк ему:

- Проще простого.

Находит канализационный люк, сдвигает крышку, швыряет туда свою шинель и кричит:

- Отнесите в мою каюту!

Офицеры засмеялись - анекдот был свежий.

Потом переключились на разговоры о флоте. Вспоминали о прошлогоднем походе подлодки с дружеским визитом в Великобританию, о посещении лодки английской принцессой.

Для Володи это сообщение оказалось новостью. Он и подумать не мог, что по палубе и отсекам корабля ходила особа королевского дома Виндзоров. И хоть бы кто из офицеров обмолвился раньше о визите!

Молодой лейтенант втянулся в службу, в вахты, влился в экипаж. И когда лодка, выполнив задание, через месяц вернулась в базу в Полярный, с сожалением ступил на пирс.

В течение нескольких дней после похода лодку приводили в порядок - пополняли топливо, продукты. Провели несколько мелких ремонтов - в длительном походе всегда выявляются какие-то недочеты.

А тут и выплаты денежного довольствия подоспели. Его сосед по комнате в офицерском общежитии предложил сходить в кафе.

- Что мы с тобой в комнате, как в прочном корпусе, замуровались? Пойдем, встряхнемся, может, с девчонками познакомимся.

Володя согласился - не столько из-за девчонок, сколько хотелось какого-то развлечения, новых впечатлений, новых лиц. На лодке пространство замкнутое, лица одни и те же - ни телевизора, ни радио. Вокруг одно железо.

Значных мест в небольшом городке хватало, однако с девчонками как-то сразу не заладилось. То ли потому, что день был рабочий, то ли карта так выпала...

Мужчины немного выпили, закусили.

В кафе зашел патруль из флотских. Хотя Володя и Андреев были в гражданском, а не в форме, офицер патруля внимательно посмотрел на них: выправка и короткая стрижка сразу выдавали в парнях моряков. Однако нарушений в кафе не нашли, и патруль удалился.

- Слушай, Володя, тут нам выпить не дадут. То милицейский патруль, то флотский... Пойдем в магазин, купим водочки и закуски. Посидим, поговорим у себя в комнате.

Володя идею поддержал. В кафе было шумно и накурено, музыка гроыхала так, что друг друга не было слышно. Народ уже подвыпил, в углах и коридорах вспыхивали пьяные скандалы. Правда, до потасовок дело пока еще не дошло, но попозже мордобой точно случится. Сильнее напьются, станут отношения выяснять - кто круче.

Расплатившись с официанткой, офицеры по дороге зашли в магазин, купили водки и закуски. Сегодня, похоже, кутил весь город. Городишко невелик, всего 17 тысяч жителей, и большая часть населения служит во флоте или обслуживает базы. И зарплата у всех в один день.

В комнате своей за пару минут они сервировали стол. Да и что там было готовить? Консервы только открыть да с хрустом скрутить пробку с бутылки.

Разлили водку по стопкам. По праву старшего по званию и должности первым сказал тост Иван:

- Ну, лейтенант, за твое первое погружение! За нового подводника!

Чокнувшись, они выпили. Финская водочка пошла хорошо. Дороговата, правда, но своих денег она стоила.

В магазинах городка полно было финских продуктов и одежды - совсем рядом Финляндия, рукой подать. А вот не смогли финны и немцы взять наше Заполярье в годы войны. Егеря у них подготовленные были, техника соответствующего уровня, а не смогли. Потому как русский дух сильнее оказался. Зато теперь - тихая, безмолвная, ползучая оккупация. Из наших товаров в магазинах только хлеб, молоко, водка паршивая и рыба.

Понемногу, за неспешными разговорами о флоте да о жизни, они «уговорили» бутылку.

- Надо было две брать! - досадовал Иван.

- Да хватит, а то голова завтра болеть будет, - попытался его урезонить Володя.

- Завтра же выходной, спи хоть до обеда!

- Времени-то - уже двенадцать, куда идти?

- Соседи добрые всегда есть. Через комнату мичман Пафнутьев живет, схожу к нему.

Иван вышел и вскорости вернулся, держа в руке бутылку. Потряс ею:

- Во, «шило» взял!

«Шилом» на флоте назывался технический спирт. Выдавался он для ремонтных работ: протирки контактов в электрике, промывки деталей. Промывали бережно, экономя каждую каплю, потому как сэкономленный пили.

Иван щедро плеснул «шило» в стаканы. Володя понюхал. Пойло било в нос резким запахом.

- Небось из опилок делают!

- Что ты носом крутишь, как вошь на гребешке? Пей! - поторопил его Иван и первым опрокинул в себя стакан. Потом не дыша запил водой и выдохнул.

- Учись, как «шило» пить надо.

Не хотелось Володе пить эту гадость, но вроде неудобно было показаться слабаком перед старшим товарищем. Он выпил, запил водой. Желудок и пищевод обожгло.

- Закуси, а то после водочки «шило» быстро в голову ударит.

Аппетит после выпитого пришел зверский. Они съели почти всю закуску, оставив только хлеб и нетронутую банку шпрот.

- Давай за лодку! Семь футов под килем!

Выпили еще. У Володи начала кружиться голова, комната качалась.

- Э, парень, да ты совсем осоловел. Ложись-ка в койку.

Володя кое-как разделся и улегся в кровать. Не привык он в курсантах к спиртному, не понимал удовольствия в дурмане. Немного выпить за компанию - это да, можно, но не напиваться же в хлам.

Утро было тяжелым. В голове стучали даже не молотки - молоты.

Володя полежал, не открывая глаз, попытался вспомнить вчерашние события. Да, выпили они с Иваном. Но он же разделся, лег в постель на своей кровати. Тогда почему гудит электромотор? Или они на подлодку пришли?

Володя открыл глаза. Он точно в каюте, стенка плавно переходит в потолок И лежит он не на кровати в общежитии, а на рундуке. Вот и переборка рядом, крохотный умывальник Только каюта маленькая, тесная - не его. И воздух спертый. «Я точно на подлодке, но не на своей», - сделал Володя вывод. Ну не хотел же он «шило» пить! Наверное, вчера спьяну забрели на стоянку списанных или законсервированных подлодок Стыдуха-то!

Володя поднялся. Его покачивало, но не от волнения на море, а после вчерашнего. Босыми ногами он подошел к зеркалу, висевшему над умывальником, и отшатнулся. На него смотрело абсолютно чужое лицо!

Володя был русым, безусым и безбородым молодым парнем 23 лет. А на него из зеркала смотрел мужчина лет тридцати пяти, брюнет, с жестким ежиком волос на голове и усиками над губой.

Володя потрогал поверхность зеркала, и пальцы его наткнулись на прохладное стекло. Значит, это не страшный сон. Может, крыша после «шила» поехала? Как говорят в народе, «белочка» пришла? Однако они и выпили не так уж и много, запоя не было. Не алкоголик он!

Володя стоял в замешательстве. Потом вымыл лицо, утерся полотенцем, потрогал лицо руками. Кончиками пальцев он ощущал щетинки усов, чувствовал прикосновения к шершавой обветренной коже. Бред какой-то! Может, все-таки сон? Он ущипнул себя за шею и вскрикнул.

Мозг не мог осознать произошедшего.

Володя посмотрел в зеркало. У отражения даже глаза были не его. У него глаза серые, а у этого типа в зеркале - карие. Кто-нибудь может объяснить, что с ним произошло?

У Володи даже голова закружилась. Он уселся на рундук и осмотрел себя. Тельняшка на

нем, трусы - все то, во что вчера он был одет. Может, он впал в кому и пролежал так с десяток лет? Отпадает, потому что на нем тогда пижама больничная должна быть, а не тельник, и он на кровати в госпитальной палате должен находиться. Он же явно на подлодке. Переборки лодочные, едва заметная вибрация палубы, журчание воды в балластных цистернах. Он не мог ошибиться!

Володя рывком встал, открыл дверцу шкафа. На вешалке висела форменная флотская одежда, но не такая, какую носил он: без погон, с нашивками на рукаве - серебряной звездой, одной узкой и двумя широкими серебряными полосками. И ремень с кобурой тоже странный.

Володя расстегнул кобуру, вытащил пистолет и удивился. В армии и флоте уже лет шестьдесят как личным оружием офицеров является пистолет Макарова, или, иначе, ПМ. А он держал в руках ТТ, с которым воевали наши деды. И год выпуска его удивил - 1940-й!

Володя выщелкнул обойму, посмотрел на патроны и вновь защелкнул обойму в рукоятке. Вернул пистолет в кобуру. Кобура была именно флотская, на двух длинных ремешках, а не на шлевках на брючном ремне, как у армейских офицеров.

В дверь постучали.

- Да, войдите! - Володя не узнал своего голоса. Низкий, с хрипотцой - это был голос чужого, незнакомого ему человека.

В каюту вошел офицер. Одет он был, с точки зрения Володи, несколько странно. Форма одежды - рабочая роба темно-синего цвета, только покрой совсем другой, и ткань не такая, простенькая.

Вошедший поздоровался:

- Здравствуй, командир!

- Здравствуй.

Вошедший вел себя так, как будто они давно знакомы.

- Разрешь присесть?

Не дождавшись ответа, вошедший сел на рундук. Впрочем, каюта была крохотная, и другого места для того, чтобы присесть, просто не было.

- Как дела на лодке? - спросил Володя. В том, что он на подводной лодке, сомнений у него не было.

- Уже четыре часа идем под водой. Аккумуляторы заряжать надо.

- А штурман что?

- Говорит, заход солнца через час пятнадцать, тогда можно всплыть. Не дай бог - немецкая авиация засечет, своих тральщиков и миноносцев на нашу голову пришлет.

- Верно. Я скоро приду на центральный пост.

Подводник ушел. Кто он такой, для Володи пока оставалось загадкой. Но самое интересное было в том, что приходивший его явно знал. Володя еще раз посмотрел в зеркало. Лицо чужое, незнакомое, как и голос. Может, он сошел с ума и все, что он видит и слышит, - галлюцинация? Но тогда она уж слишком правдоподобная. А может, выйти сейчас к центральному посту и объявить всем, что произошло чудовищное недоразумение? Но ведь лодка в походе, в подводном положении - как его доставят в госпиталь на обследование? Или сразу спишут на берег по болезни?

Володя решил потянуть время, чтобы понять, где он, куда его занесло и как можно выкрутиться из этого положения с наименьшими для себя потерями. Вошедший явно принимал его за другого человека, похоже - за командира.

Володя надел рабочую форму. В кармане что-то звякнуло. Он сунул туда руку и выудил из кармана связку ключей.

В углу стоял сейф. Один из ключей подошел к нему, и Владимир открыл дверцу.

В сейфе оказалась куча судовой документации.

Володя наскоро просмотрел ее, уяснив, что лодка - серии «С» IX-бис, изготовлена на Горьковском заводе «Красное Сормово» № 112. На воду спущена в апреле 1937 года, а вступила в строй 23 июля 1940 года.

Володя схватился за голову. Никак лодке уже семьдесят лет? Ржавая посуда, как она еще плавает? Или она вроде «Летучего голландца», судна-привидения, на котором команда - мертвецы?

Вопросов накапливалось все больше, а ответов на них не было. Володя уже боялся выйти в коридор - идти на центральный пост. Если он и в самом деле командир, то должен отдавать приказы, а у него самостоятельного штурманского опыта - кот наплакал. Накомандует сдуру, погубит и лодку, и экипаж. Ответственность огромная!

Все-таки он набрался духу, вздохнул, как перед прыжком в воду, вышел в коридор, нырнул через люк и оказался на центральном посту.

Взглядом он окинул разом все пространство. Тесновато. Один моряк сидит на штурвале вертикальных рулей, другой - горизонтальных. Рядом, у клапанов, судя по шевронам - явно боцман. Офицер в рубке у перископа. Справа, за открытой дверью, - пост гидроакустиков.

- Здравия желаю, товарищи! - обтекаемо поздоровался Володя. Сердце бешено заколотилось. Стараясь не показать волнения, тут же сунулся в рубку акустиков:

- Акустики!

- Горизонт чист, товарищ командир!

- Хорошо. Штурман, координаты!

Штурман доложил координаты лодки, показал на карте. Выходило - лодка находилась на Балтике, а главное - его шокировало число: 27 сентября 1942 года! Какое-то время Володя молчал, переваривая полученную информацию. Выходит, он неведомо как вместо Северного флота оказался на Балтике, да еще на 60 лет назад во времени, на подводной лодке допотопной конструкции, где все управление ручное. И хуже всего то, что, похоже, он оказался в чужом теле. Слышал он когда-то рассказы о реинкарнации - это когда душа умершего переселяется в тело другого живого существа. Но ведь он не умер! Умом он понимал, что все вокруг реально - и лодка, и экипаж, но до конца понять и принять данность не мог. Ладно, он потом попробует переосмыслить.

Володя сделал несколько шагов к перископу. Старпом шагнул в сторону, уступая место.

Володя взялся за откидные рукоятки, прильнул к окуляру. Медленно поворачивая перископ, осмотрел море. Только волны, солнце над горизонтом, кучевые облака, пасмурно. Облака - это хорошо, меньше возможности, что их обнаружит самолет. Судя по карте, до Германии не так далеко, и их самолеты-разведчики запросто могут совершать облеты акватории.

Владимир осмотрел воздушное пространство в зенитный перископ. Чисто.

- Стоп машинам!

Лодка прошла еще немного по инерции.

- Экипажу принять пищу, старпом - на перископ. Акустикам - слушать!

- Есть!

Володя вернулся в свою каюту. Теперь он хотя бы знал, что за подводная лодка и где они находятся. Но вот что делать дальше? Понятно, что надо воевать, бороться с немцами - все-таки сейчас 1942 год. Но у лодки должен быть конкретный приказ.

В каюте он открыл сейф и стал искать шифрорадиограммы. После недолгих поисков обнаружил целую пачку, стал читать. Получалось, лодка уже была в нескольких боевых походах и имеет на боевом счету три уничтоженных транспорта ориентировочно тоннажем двенадцать тысяч тонн. Черт, он же не знает силуэтов вражеских и союзнических транспортов, их

скоростей. Для торпедных атак это важно - необходимо высчитать упреждение. Ведь лодка в торпедной атаке наводится на цель корпусом.

Он прочитал последнюю радиограмму, в которой подводной лодке предписывалось топить транспорты врага в заданном районе. Приводились координаты. В принципе, лодка находилась в указанном районе.

Он пролистал судовой журнал, особенно внимательно читал последние записи, чтобы понять, какие события происходили хотя бы с момента выхода лодки с базы.

Подлодка входила в состав первого дивизиона подплава Краснознаменного Балтийского флота, в крайний поход вышла из Купеческой гавани Кронштадта, зайдя в маневренную базу острова Лавинсаари. А уж дальше - прорыв через минные поля, противолодочные сети, мимо немецких тральщиков.

Володя захлопнул журнал. Сложный выход в район боевого патрулирования.

Он посмотрел на часы. Наверху уже должно стемнеть, пора. Он ощутил в себе уверенность и жесткость, куда только делись неуверенность и растерянность первых минут его появления на лодке. Или ему помогал дух командира? Тогда где он?

Володя спокойно спустился в центральный пост.

- Акустики!

- Горизонт чист.

- Экипаж, по местам стоять, к всплытию готовиться! Малый ход!

Звякнул машинный телеграф. Стрелка глубиномера показывала 15 метров.

- Рулевым! Дифферент четыре градуса на корму! Всплываем.

- Есть! Нос лодки поднялся вверх.

Володя и старпом внимательно смотрели на глубиномер. Стрелка поползла влево - 10 метров, 5! Лодка качнулась, легла на ровный киль.

- Рубочный люк отдраить, начать заполнение цистерн быстрого погружения. Вахтенный - на ходовой мостик Запустить дизеля на зарядку, провентилировать отсеки!

Экипаж дело знал, все команды выполнялись быстро и четко. Володя мысленно поблагодарил командира за выучку экипажа.

Лодка вздрогнула, запустила первый дизель, за ним - второй. Потянуло сквозняком. Дизеля забирали воздух из отсеков, протягивая его через открытый рубочный люк. Отсеки продувались свежим воздухом. Между отсеками были открыты и поставлены «на крючки» люки на переборках. Выход отработанных газов шел в цистерны главного балласта, вытесняя воду. Так экономился воздух из баллонов высокого давления.

Володя накиннул бушлат, висевший на центральном посту, и полез по шахте на ходовой мостик. Снаружи было довольно свежо, поддувал ветерок. Волны бились о корпус лодки, долетали до ограждения мостика, периодически заливая его и даже попадая через открытый люк в шахту и на центральный пост. Ограждение мостика было лишь спереди и частично по бокам.

- Сигнальщик, смотреть за горизонтом!

Володя спустился в центральный пост:

- Штурман, определить по координатам!

- Есть!

Штурман с секстаном в руках полез на мостик. Как только он сообщил о местонахождении лодки, Владимир набросал текст радиограммы - по образцу тех, которые видел в сейфе капитана, и отдал радистам:

- Передайте в штаб.

Подводные лодки тех, военных, лет могли пользоваться радиосвязью только в надводном положении. Современные же тащили за собой буксируемую антенну и могли производить

радиообмен даже под водой на сверхдлинных частотах.

Немцы обогнали советский флот, подводный и надводный, в плане шифрования радиообмена, создав шифровальную машинку «Энигма». Англичане смогли ее заполучить с трофейной лодки в начале войны и могли читать немецкие сообщения. После такого «подарка» эффективность действия англичан и американцев против «волчьих стай» адмирала Деница резко повысилась. Однако они не спешили делиться добытым секретом с русскими союзниками. Как не оценить русского благородства, если в сентябре 1944 года наши подняли немецкую подводную лодку U-250 и, отбуксировав ее в док, обнаружили там шифровальную машинку «Энигма-M4» с шифровальными книгами и, главное, новейшие самонаводящиеся акустические торпеды T-5 вместе с инструкциями. Информацией о немецких новинках они тут же поделились с англичанами. История потопления немецкой субмарины довольно занятная. Лодка утопила наш тральщик, и на ее поиски отправили другие корабли. Обыскали предполагаемый район, лодку не нашли. А когда кок с камбуза пошел с ведром выбрасывать очистки за борт, с изумлением обнаружил лодку за бортом, на пятиметровой глубине, немного ниже проглядывался корпус. Удалось сбросить глубинную бомбу прямо на палубы лодки и отойти.

Не знал тогда Владимир, отправляя радиограмму, что она будет перехвачена и расшифрована немецкими союзниками, финнами. В дальнейшем эта радиограмма сыграет трагическую роль в судьбе лодки.

Ночь была безлунной. Луна, небесная спутница Земли, пряталась за облаками, и потому Володя разрешил экипажу посменно выходить на палубу лодки - подышать свежим воздухом, покурить, да и просто почувствовать себя свободным, не закрытым в тесных железных отсеках субмарины.

За ночное время аккумуляторы зарядились, отсеки проветрились, и едва на востоке небо стало сереть, Владимир отдал приказ на погружение.

Сигнальщики и вахтенный офицер спустились в центральный пост, заdraив за собой люки. Лодка выпустила воздушные пузыри и, набирая воду в цистерны, стала погружаться.

Когда она опустилась на двадцать метров, Владимир отдал приказ осмотреться в отсеках, а потом - «малый вперед». По карте глубины в этих местах были небольшие, по 30-40-50 метров, и для подводного плавания они были неудобными.

Лодка находилась недалеко от шведского острова Готланд. Неподалеку проходили оживленные морские пути. Швеция, хоть и была нейтральной страной, активно поставляла немцам свои руды с металлами, применявшимися для легирования сталей, в том числе и для танковой брони. В Германию перевозили железную руду, медь, цинк, вольфрам и марганец. Объем перевозок за год составлял 10-15 миллионов тонн. Из Германии через территорию Швеции транзитом шло вооружение и боевые части для немецких соединений на севере. Кроме того, Швеция поставляла союзнице Германии, Финляндии, свое вооружение и продовольствие, посылала добровольцев для участия в военных действиях.

В радиограмме из штаба Балтийского флота лодке предписывалось следовать в направлении Ботнического залива, в район Аландских островов, где проходила оживленная морская трасса Норртелье-Турку, соединявшая Шведское королевство и Финляндию.

Владимир приказал рулевым держать курс на север.

Лодка шла под водой экономичным ходом. Владимиру, как командиру, периодически докладывали координаты и показания эхолота.

- Акустики!

- Горизонт чист.

Стало быть, пока транспортов нет. Акустики могли прослушивать акваторию только при движении на электромоторах. Стоило запустить дизель на надводном ходу, как лодка

становилась «глухая».

К исходу дня лодка вышла южнее Аландских островов. Акустики тут же доложили, что слышат шум винтов большого транспорта.

На поверхности уже начало смеркаться.

Владимир принял решение всплыть на перископную глубину и осмотреться.

- По местам стоять, к всплытию готовиться! Рулевым - дифферент три градуса на корму, малый ход!

Лодка, шедшая со скоростью четыре узла, всплыла на перископную глубину.

Владимир поднял перископ и прильнул к резиновому наглазнику. Он поворачивал перископ влево-вправо, пока не увидел ползущий транспорт. По силуэту - посудина для генеральных грузов, тысячи на три брутто-тонн. Как дома идет, с ходовыми огнями. Или финн, или швед; жаль только - флаг не разглядеть, темновато уже, да и далеко. А чего «торгашу» бояться? Наши самолеты здесь не летают, далеко. Подлодки Балтфлота «заперты» минами и сетями противолодочными в Финском заливе.

Решение пришло сразу: атаковать!

Он объявил по громкой связи:

- Боевая тревога, торпедная атака! По местам стоять!

Акустики тут же доложили исходные данные транспорта.

- Курс цели сто двадцать градусов, скорость - девять узлов.

Штурман на карте рассчитывал параметры атаки - ведь необходимо было внести упреждение, учитывая скорость подлодки и цели, дальность стрельбы и время хода торпед до цели.

- Приготовить к торпедной стрельбе первый и третий аппараты! - Торпеда к цели могла идти на разной глубине - в зависимости от осадки судна. Торпедные аппараты надо было готовить к стрельбе откинуть передние крышки, заполнить трубы аппаратов водой. А сразу после выстрела, поскольку вес подлодки резко менялся, командир электромеханической боевой части БЧ-5 должен был уравновесить уравнительными цистернами дифферент, иначе нос лодки могло выкинуть на поверхность.

Штурман выдал данные для стрельбы:

- Курс цели двести десять градусов, дистанция шестнадцать кабельтовых, угол упреждения - семнадцать градусов.

- Прицеливаем корпусом! Рулевой - семнадцать градусов влево!

- Есть семнадцать градусов влево!

Владимир прильнул к перископу. Силуэт транспорта вползал в сетку окуляра.

- Первый, третий, торпедные аппараты с двухсекундной задержкой - пли!

В первом торпедном отсеке матрос нажал на рычаги торпедных аппаратов. С шумом и бульканьем вышла торпеда из одного аппарата, через две секунды - вторая торпеда из другого аппарата.

В центральном посту ощутили два толчка. В уравнительных цистернах зажурчала, зашумела набираемая вода.

Старпом сразу же включил секундомер и начал вести отсчет:

- Одна секунда, две, три...

Все с напряжением ждали. На двадцать второй секунде послышался взрыв и лодку слегка потрянуло.

Володя увидел в перископ, как блеснуло пламя взрыва - почти в центре темного силуэта транспорта. Он смотрел не отрываясь, ждал попадания второй торпеды, но его не последовало. Скорее всего, торпеда прошла уже за кормой судна.

- Циркуляция, ложимся на курс сто двадцать, полный ход!

- Есть!

Лодка развернулась практически на обратный курс.

- Погружаемся на тридцать метров, на эхолоте смотреть!

На полном ходу под водой лодка развивала 8,8 узла, но так могла идти недолго, аккумуляторы быстро садились. Однако сейчас необходимо было как можно быстрее покинуть место атаки. До финских берегов не так далеко. Торпедированное судно вполне могло успеть передать SOS и причины катастрофы. К месту торпедирования будут направлены тральщики, миноносцы или другие военные суда, находящиеся поблизости. Чем дальше лодка успеет уйти, тем безопаснее будет. Вот только далеко уйти под водой не получится.

- Акустики!

- Горизонт чист.

- По местам стоять, к всплытию готовиться! Дифферент на корму четыре градуса!

- Есть!

- Всплываем в позиционное положение!

Позиционным называлось промежуточное надводное положение лодки, когда корпус ее был под водой, а над водой выступала часть рубки с ходовым мостиком. И только рубка рассекала волны.

- Отдраить внутренний люк!

Вахтенный краснофлотец отдраил люк и отступил в сторону. Володя взобрался по вертикальному трапу шахты, сам отдраил верхний рубочный люк и приподнял его. Его сразу окатило морской водой. Он откинул люк, выбрался на ходовой мостик и осмотрелся по горизонту.

Над морем было темно, не видно ходовых огней, не слышно шума машин - «машинами» моряки называли двигатели.

Володя крикнул в шахту:

- Двигатели запустить! Правый дизель - на зарядку, под левым - полный ход. Провентилировать отсеки, вахтенному и сигнальщику - на ходовой мостик!

Он поднес к глазам бинокль. Со всех сторон только вода, не видно кораблей и маяков. От места торпедной атаки они успели отойти миль на десять.

Когда вахтенный офицер и сигнальщик выбрались на мостик, Володя спустился в центральный пост. Он набросал на листке радиограмму в штаб о торпедировании вражеского судна в три тысячи брутто-тонн, сообщил о местонахождении и исправности лодки. Полученная квитанция его удивила.

Оказывается, с 9 октября 42-го года на флоте и в армии ликвидировалась система военных комиссаров. Им присваивались командирские звания, они становились заместителями командиров по политработе. Свершилось! Двоевластие закончилось! Командир в подразделении должен быть один, поскольку с началом войны были случаи, когда командир отдавал приказ, а комиссар его отменял или, того хуже, отдавал прямо противоречащий.

Командиры заканчивали военные училища, знали тактику и стратегию боя, комиссары же были представителями партии - без военного образования, но с большим самомнением.

Через краснофлотца Владимир вызвал на центральный пост комиссара лодки и показал ему квитанцию:

- Читай.

- Вслух?

- Мне все равно.

У комиссара хватило ума прочитать текст молча. Прочитал, поднял на Володю глаза, потом

перечитал еще раз.

- Это вражеская провокация!

- На подпись посмотри. ГКО, товарищ Сталин. Ты его провокатором называешь?

Лицо комиссара стало белым, как бумага радиogramмы. Он сунул квитанцию Владимиру, молча повернулся и ушел к себе. Сутки экипаж его не видел, видимо, тяжело переживал человек утрату власти. Но власть - она подразумевает и ответственность за свои действия.

За ночь, соблюдая осторожность, они успели пройти миль пятьдесят. Больше полагались на глаза, поскольку выхлоп дизелей заглушал все звуки.

Шли в крейсерском положении.

Владимир, как командир, позволил отдыхающим сменам выйти на палубу подышать свежим воздухом. Радость глотнуть свежего воздуха понятна только подводникам. У летчиков, танкистов, артиллеристов, даже у пехоты воздух мог пахнуть бензином, порохом, маслами, гарью пожара. Он мог быть пыльным после близкого взрыва. Но он был! У подводников же регенерирующие патроны с кальцинированной содой не могли очистить воздух. Приходилось в подводном положении добавлять кислорода из кислородных баллонов - на «эске» их имелось пятнадцать. А еще на лодке было жарко от работающих механизмов, от тесноты и скученности, от постоянной влажности и противного запаха электролита.

К утру отсеки провентилировались свежим воздухом, аккумуляторные батареи зарядились, был проведен сеанс радиосвязи, и, как только на востоке появились первые лучи солнца, Владимир приказал спуститься в лодку и задрать люки. Надо было погружаться. Справа вдали - шведские берега, по морю шастают финские и немецкие военные суда. Заметят лодку или ее перископ - жди беды.

Лодка под водой шла медленно, экономичным ходом. И не только для экономии емкости зарядов аккумуляторов. Немцы ставили сети из стальных тросов на глубине. Норвежское судно их проходило, а лодка могла попасть, как муха в паучьи сети. На малом ходу, услышав скрежет тралов по легкому корпусу, моряки из первого, носового, отсека давали сигнал на центральный пост. Лодка останавливалась и давала задний ход, выбираясь из ловушки.

Если же лодка попадала в сети на полном ходу, ситуация была сложнее, тросы цеплялись за ограждения, горизонтальные рули. Немцы в этих случаях не дремали, они патрулировали сети. Обнаружив застрявшую в сетях лодку, уничтожали ее глубинными бомбами.

Не меньшую опасность представляли и минные поля. Их ставили немцы и финны со своих кораблей. Минировали и наши - с подводных минных заградителей, с самолетов. Карты постановки наших мин у командиров советских подлодок были. А вот с немецкими минными полями было хуже - они были обозначены приблизительно. Немцы чаще минировали входы в многочисленные шхеры, коими изобиловали шведские берега и где могли укрываться наши подлодки. Стоило задеть одну из «рогулек» такой мины, на которой располагались контактные взрыватели, - и лодку неминуемо ждала гибель.

Кроме контактных мин, немцы применяли магнитные, срабатывающие от приближения крупной железной массы, изменяющей магнитное поле: акустические, срабатывающие от шума винтов. В одном и том же районе мины могли стоять на разной высоте от дна, поджидая свою добычу.

Если лодка шла на небольшой глубине, она была заметна летчикам морской авиации, которые по радио наводили на нее тральщиков и миноносцев.

По всей видимости, их «эска» попала в такую же ситуацию. Из-за малых глубин лодка шла

на глубине двадцати метров. Вдруг акустики доложили о приближении двух скоростных транспортов.

- Стоп машинам, тишина в отсеках!

Любой стук железа по железу, скажем, кувалды или молотка при ремонте переборочного люка, работы механизмов, довольно отчетливо разносился под водой. Экипаж в таких случаях разговаривал тихо, даже шепотом.

Через некоторое время не только акустики, но и другие члены экипажа слышали шум винтов над собой. Винты противника прошли дальше, и все перевели дух, но затем надводные корабли развернулись и встали.

- Слушают, - шепотом сказал старпом.

- Похоже.

И в это время в двух кабельтовых перед носом взорвалась глубинная бомба, как молотком, ударив взрывной волной по корпусу. За первым взрывом последовал второй, третий... Шум винтов приближался.

- Курс девяносто градусов, малый ход! - скомандовал Владимир.

Лодка повернула влево и, пройдя пару минут, застопорила ход. Тральщики в это время перестали бросать глубинные бомбы - их акустики слушали, не проявит ли себя лодка. Затем немцы снова стали бомбить. Взрыв следовал за взрывом, по корпусу лодки как будто били огромной кувалдой. Но серия взрывов прошла за кормой, и шум винтов стал удаляться.

Через четверть часа взрывы бомб послышались уже вдалеке. Похоже, противник не смог обнаружить лодку и бомбил вероятные пути отхода.

Потом взрывы стихли. Акустики доложили, что никаких шумов не слышат - наверняка тральщики заглушили моторы, их акустики слушают море: не купится ли на обманчивую тишину русский капитан, не даст ли ход лодке?

Владимир решил выждать, и не прогадал. Через час акустики доложили, что одно судно уходит.

- А второе?

- Не слышно.

Наверняка решили оставить дозорного. Зашумит лодка - пробомбят, не век же она на одном месте располагаться будет.

Теперь главное оружие подводников - терпение.

Владимир разрешил команде отдыхать. Пусть наберутся сил, коли у двух капитанов борьба нервов и выдержки.

Немец оказался упорным. Двигатели у него не работали. Владимир даже подумал, что акустики ошиблись и ушли оба судна. Он подошел к акустику, который располагался рядом с центральным постом.

- Что слышать?

Акустик прислонил палец к губам - тс-с-с! Потом сдвинул наушники с головы.

- Здесь они, товарищ командир. В двух кабельтовых, пеленг двести девяносто - затихарились. Железяка у них на палубу только что упала.

- Слушай дальше.

Так они и провисели в воде на одном месте, ожидая, кто кого переиграет. Наконец акустик доложил, что противник запустил машину - он слышит шум винтов, враг описывает широкую циркуляцию.

- Вот же засранец, как репейник вцепился! - едва слышно произнес Владимир.

Судно небольшое, быстроходное, такое торпедой уничтожить сложно. След торпеды заметный - успеет уклониться.

И такое зло Володю взяло, что решил он всплыть и ударить по врагу из пушек. Впереди рубки стояло вполне приличное по мощи 100-миллиметровое морское орудие, а на корме рубки - 45-миллиметровая пушка. Если всплыть и не медля комендоров к пушке поставить, то накрыть тральщик вполне можно.

- Комендорам главного орудия - приготовиться! По местам стоять, к всплытию готовиться! Средний ход!

Лодка на среднем ходу всплыла. Комендоры, проинструктированные командиром, бросились к орудию. Тут же открылась дверца снарядного элеватора в рубке. А комендоры уже наводили орудие на тральщик, бывший в пяти-шести кабельтовых.

Лодка стояла очень удачно, заходящее солнце светило от нее на тральщик, слепя наблюдателей.

Пока комендоры суетились у орудия, на лодке заполнили цистерны срочного погружения. Владимир скомандовал запустить дизели.

В это время прозвучал первый выстрел.

Для подводной лодки 100-миллиметровое орудие было очень мощным. Его почти 16-килограммовый снаряд угодил в форштевень, образовав большую пробоину. Поторопились комендоры, взяли слишком большое упреждение. Но их можно понять - спешка.

Второй снаряд угодил прямо в надстройку, лишив немецкий тральщик управления и связи. Третий попал в корму, где располагалось машинное отделение.

Тральщик потерял ход, превратившись из охотника в дичь.

На подмогу комендорам главного калибра уже спешили краснофлотцы 45-миллиметрового орудия, которое стояло на ходовом мостике рубки. Но их помощь уже не требовалась. Через пробоину носу в тральщик начала поступать вода, и он дал дифферент на нос.

С подбитого судна в воду прыгали уцелевшие моряки. Ни расстреливать их из ручных пулеметов, имевшихся на борту лодки, ни подбирать и брать в плен командир «эски» не стал. Пусть Господь решит, кому выжить.

Владимир осмотрел в бинокль горизонт. Кораблей не было видно. Суда здесь могли быть только чужие.

- Вахтенного и сигнальщиков на ходовой мостик!

Он поблагодарил расчет своего «главного калибра» за точную стрельбу. Все-таки тральщик - противник сильный, превосходящий подводную лодку по скорости хода и артиллерийскому вооружению.

Ревели под нагрузкой дизели, обеспечивая зарядку аккумуляторов и ход лодки.

Расчеты орудий спустились в лодку.

Постепенно стемнело. Владимир повел лодку в сторону шведского берега. В ночи если и следовало кого-то опасаться - так это вражеской подводной лодки. А у берега мелководье, со стороны Шведского королевства чужая подлодка не подберется, да и сигнальщикам наблюдать проще. Крупновата была «эска» для действий на Балтике, ей бы в океан, для сопровождения северных конвоев. Наш же штаб Балтфлота отдавал приказы блокировать финские порты Раума, Вааса и Турку. Море для действий подлодок в этих местах мелководное, лишаящее лодки вертикального маневра.

За ночь зарядили аккумуляторы, провентилировали отсеки и аккумуляторные ямы свежим воздухом. Лодка была готова к боевым действиям. За полчаса до восхода солнца лодка уже отошла от шведского берега и шла под водой малым ходом к Аландским островам.

Торпедисты в носовом отсеке перезаряжали торпедные аппараты торпедами из отсека. Наши подводники применяли торпеды нескольких калибров. На «эске» были торпеды 533 миллиметра весом в 1615 килограммов, из которых 300 килограммов приходились на боевую

часть. При скорости 44,5 узла они имели дальность хода 4000 метров. Сами торпедные аппараты с 1942 года оснащались приборами для беспузырной стрельбы. Ведь при выходе торпеды из трубы торпедного аппарата вырывался воздушный пузырь, сильно демаскировавший подводную лодку. На «эсках» были четыре носовых торпедных аппарата и два кормовых, представлявших главную ударную силу лодки.

Акустики периодически докладывали о появлении на поверхности кораблей, но все они были быстроходными и малого тоннажа. Владимир же поджидал цель покрупнее, чтобы удар был более чувствительным.

В полдень акустики доложили, что слышат винты крупного транспорта. Владимир отдал приказ всплыть на перископную глубину.

Когда лодка поднялась на 12-метровую глубину, Владимир поднял перископ и почти сразу обнаружил крупный транспорт. Это был рудовоз под шведским флагом. Вот он, лакомый кусок!

В это время акустики доложили, что слышат неподалеку подозрительный всплеск. Так бывает, когда бросают глубинные бомбы. Сначала всплеск от удара бомбы о воду, а через несколько секунд, когда бомба опустится на заданную глубину, следует взрыв.

И точно! Слева по курсу, в полукабельтове, раздался взрыв. В перископ был виден поднывавшийся столб воды.

- Срочное погружение! - скомандовал Владимир - он успел перед погружением посмотреть в зенитный перископ. Над морем кружила немецкая летающая лодка, гидросамолет Хейнкель-115, двухмоторный морской разведчик и торпедоносец. До погружения лодки он успел сбросить две бомбы - впрочем, не очень точно, в стороне от лодки. Но сам факт его появления не сулил ничего хорошего. Летчики наверняка сообщили координаты русской подлодки, и вскоре сюда подойдут тральщики. К тому же самолет, если лодка будет идти неглубоко, может ее сверху видеть и наводить надводные суда.

Лодка опустила на максимально возможную в этих местах глубину - 60 метров.

- Курс - сорок градусов! - скомандовал Владимир. Он решил вести лодку к финскому берегу, навстречу врагу. Если на финских судах получен сигнал, то сейчас тральщики, торпедные катера, морские охотники, обладающие хорошей скоростью, на всех парах несутся к месту обнаружения лодки. Но работающие на высоких оборотах двигатели не позволят вражеским акустикам услышать и обнаружить лодку.

Расчет оказался точным. Акустики доложили, что прошли три быстроходных судна: скорость судов определялась по изменению пеленга, а класс - по шуму винтов. На торговых, крупнотоннажных судах винты большого диаметра, низкооборотные и звук издают тоже низкий. Военные суда обладают большей скоростью, и звук работы их винтов высокий. Опытный «слухач» может безошибочно определить курс, тип и скорость судна. Для капитана это уши, а для капитана подлодки - еще и глаза. Потом до них донеслись отдаленные взрывы глубинных бомб, но лодка уже успела уйти из района, где была обнаружена гидросамолетом.

Для подлодок гидроавиация была серьезным противником. Гидросамолеты патрулировали поверхность моря, выявляли вражеские подлодки, сами их бомбили, обстреливали из пулеметов и пушек, по рации наводили на лодки «морских охотников» и тральщиков.

С началом войны немцы создали «Авиационное командование Балтийского моря» под командованием полковника В. Вильда. Основную ударную силу представляла 806-я бомбардировочная группа, базировавшаяся в Пиллау, Фишхаузене, порту Буг на острове Рюген. Они имели на вооружении поплавковые гидросамолеты и летающие лодки. В основном использовались современные, предвоенных лет разработки и постройки «Дюрнье-24», «Хейнкель-114» и «1152», «Арадо-196» и «95» - даже летающая лодка «Блюм» и «Фоссе 13V138», дальний морской разведчик, трехмоторный цельнометаллический моноплан

двухбалочной схемы.

Советская гидроавиация была в основном представлена устаревшим МБР, а союзники воевали на «Каталине».

Атака подлодки на транспорт сорвалась, но лодка была цела, а экипаж горел желанием воевать. Одно плохо - в топливной цистерне оставалось всего шестьдесят тонн соляра. Два дизеля по две тысячи лошадиных сил даже на подзарядке аккумуляторов по ночам требовали изрядное количество топлива.

Весь оставшийся день лодка отстаивалась на оживленном судоходном пути. Подводники и без специального оборудования слышали, как над ними проходили суда. Днем движение было активным. Суда охраняли военные корабли, гидроавиация. От подводных лодок уберегали минные поля и противолодочные сети.

И тем не менее нашим подлодкам пусть и с большим трудом, но удавалось прорваться на Балтику и топить суда немцев и финнов.

Наш лучший подводник Александр Маринеско, к сожалению получивший Звезду Героя Советского Союза уже после смерти, потопил 4 судна общим тоннажем 42 507 брутто-тонн, Василий Стариков - 14 кораблей, Иван Травкин - 13 кораблей, Николай Лунин - 13 кораблей, Магомед Гаджиев - 10 кораблей.

Немецкие асы-подводники, первое время довольно активно одерживавшие победы в Атлантике, за все время уничтожили 2603 боевых и торговых судна общим водоизмещением 13,5 миллиона тонн. Такой ас-подводник, как Отто Кречмер, уничтожил 44 корабля суммарным водоизмещением 266 629 брутто-тонн, Вольфганг Лют - 43, в том числе - одну подводную лодку, Эрих Топп - 34 корабля, Герберт Шульце - 28 кораблей.

На ночь судоходство почти замирало. Капитаны судов опасались попасть на минные поля - ведь проходы в них были не очень широки. Боялись атак подводных лодок, которые активизировались по ночам. Ночь - друг подводника. Гидроавиация не летает, лодку тяжелее обнаружить в надводном положении, а акустикам на подлодке без разницы - ночь или день, и обнаружить цель они могут в любое время суток.

Но с этого дня «эске» не везло. То цель попадалась малоразмерная - вроде шхуны, на которую тратить торпеду было неразумно, поскольку сама торпеда стоила дороже шхуны, то горизонт был вообще чист, поскольку судов не было. И так пролетела целая неделя.

Володя уже нервничать начал, а тут еще главный замполит, бывший комиссар, начал ныть - вроде другие воюют, а наш экипаж только проедается, болтаясь в море попусту.

- Ты что предлагаешь, замполит? - не выдержал Володя обвинений. - Может, в какой-нибудь порт финский или немецкий зайдём? Торпеду пустим, а потом всплывем и из пушек постреляем? Корабль какой-нибудь потопим - только и свой погубим, вместе с экипажем. Это не война! Ты два, пять, десять кораблей утопи, а свою подлодку сохрани! Вот в чем залог успеха!

- Это осторожность, переходящая в трусость! - безапелляционно заявил замполит.

Ну что спорить с фанатиком, ничего не понимающим в военном деле! Замполит отчитывался о проведенной работе в Политотделе флота - о количестве проведенных собраний, о потопленных кораблях и брутто-тоннах, о морально-боевом настрое экипажа. Только по причине отсутствия военного образования он считал, что подводная лодка должна топить едва ли не каждый день по транспорту. А военное дело - это когда компромисс: «Напасть или выждать - что эффективнее?» Командиру мало нанести урон противнику, надо и свое судно вместе с экипажем сохранить для последующих боев.

Погибнуть по-дурному - дело нехитрое. Можно всплыть хоть белым днем и успеть пустить торпеды в транспорт - так ведь противник уйти не даст, на малых глубинах маневра нет. Не готов был Владимир положить на чашу весов, с одной стороны, подводную лодку с ее 40

членами экипажа, а с другой - какой-нибудь рудовоз, старое корыто с 10 матросами.

Однако замполит не унимался:

- Скоро годовщина Октябрьской революции. Мы должны достойно встретить праздник, с боевыми победами! Тыл напрягает все силы, дает фронту вооружение и боеприпасы, топливо. Мы должны труженикам тыла предъявить результаты - потопленные корабли, так сказать - отчитаться.

- Замполит, давай не будем об отчетах. Мы еще не возвращаемся в базу, впереди десять дней боевого похода.

Замполит ушел недовольный. Владимир подумал, что по прибытии в базу точно побежит в Политотдел стучать на него. Да и черт с ним! Экипаж грамотный, лодка исправна - они себя еще проявят. Хотя в душе, конечно, обидно. Не для того лодка в поход вышла, чтобы на глубине время переждать. И коли судьбе было так угодно - переместить его в иное время в чужое тело, так от этого он не перестал быть русским воином. К сожалению, нам не дано знать свою судьбу, а знал бы - изучил бы досконально эту серию подлодок и с подводниками, прошедшими войну, поговорил бы. Хотя и мало их осталось совсем, время не щадит фронтовиков.

Иногда Володя ловил себя на мысли, что действует и думает не всегда так, как действовал и думал бы он, штурман подплава Северного флота, прежний Вовка Сычев. Потому как решения старался принимать взвешенные, ответственные. И еще. Он не мог объяснить это словами или дать какое-то другое объяснение, но было ощущение, что он обладает уже опытом предыдущих боевых походов, знает некоторые детали и нюансы, которых он не должен был знать, просто не мог в силу молодости, малого опыта подводного плавания и незнания театра военных действий.

Акустики доложили, что слышат шум винтов подводной лодки, идущей в подводном положении на удалении в пять кабельтовых. Причем акустик добавил, что лодка похожа на нашу «щуку».

«Щукой» на флоте называли подводные лодки серии «Щ». Выходит, на позициях в этих водах действовала не одна их «эска». Они не могли связаться между собой, но от ощущения, что они не одни у финских берегов, на душе стало как-то теплее.

После наступления темноты лодка всплыла для подзарядки аккумуляторов, вентиляции отсеков и сеанса радиосвязи. Доложили в штаб о своих координатах, запасе топлива. В ответ Володя получил квитанцию - продолжать боевые действия.

Финны перехватили радиопереговоры и смогли их расшифровать. На базе Марианнахамина стояла готовая к походу подводная лодка «Весихииси». Ее капитан Олави Айтотла получил приказ срочно выйти в море по указанным координатам и уничтожить русскую подводную лодку.

Финны сначала шли в надводном положении, под дизелем - так быстрее и экономится емкость аккумуляторов.

Лодка «Весихииси» («Водяной») была типа «Ветехинен», спущена на воду в августе 1930 года, имела два носовых, два кормовых торпедных аппарата и два артиллерийских орудия - 76-миллиметровый и 20-миллиметровый зенитные автоматы. Надводное водоизмещение - 493 тонны, скорость под дизелями - 12,6 узла.

Капитан вел лодку к устью Флетьян-Червен с намерением перехватить русскую подлодку

именно там, и не ошибся.

Русские шли на дизелях, поскольку перед проходом пролива Южный Кваркен надо было зарядить аккумуляторы и заполнить баллоны сжатым воздухом высокого давления.

Финский капитан, подойдя к узости, определился по маяку острова Седеррарм и приказал глушить дизели и идти на электромоторах экономичным ходом в три узла, давая возможность акустикам прослушивать море.

И почти тут же акустик доложил капитану:

- Слышу шум винтов. Цель надводная, скорость - восемь узлов, курс - триста десять градусов, пеленг - сто девяносто пять.

Капитан третьего ранга Олави Айтолла отдал приказ:

- Боевая тревога, торпедная атака!

Его охватил охотничий азарт: ведь это большая удача - почти сразу обнаружить русскую подлодку!

Штурману отдали приказ определить элементы движения цели. Слушая данные акустика, штурман согнулся над столом, с помощью обычного транспортира и штурманского треугольника ведя прокладку на миллиметровой бумаге. Затем доложил Олави данные для атаки:

- Курс цели - триста двадцать градусов, скорость - девять с половиной узлов, дистанция до цели - шестнадцать кабельтовых. Рекомендуемый курс атаки - двести сорок, скорость - семь узлов, угол упреждения - сто сорок.

Командир приказал боцману держать курс двести сорок и передал командиру торпедистов готовить оба торпедных аппарата.

- Ставить глубину хода торпеды три метра, скорость - тридцать узлов!

Олави прильнул к перископу. Луна была у противника за спиной, и финн хорошо видел силуэт «щуки» - лодки серии «Щ».

Финн ошибался - ведь силуэты «щуки» и «эски» были похожи, но «эска» больше по размерам.

В 19.41 Олави отдает приказ:

- Первый и третий торпедные аппараты - пли!

С шипением и секундным промежутком из носовых торпедных аппаратов выходят две торпеды и несутся к цели. Лодка дважды вздрагивает.

Штурман жмет на кнопку секундомера.

Командир и вахтенные матросы выбирают на ходовой мостик рубки. Олави смотрит на лодку противника в бинокль, и его трясет от напряжения. Рядом штурман монотонно отсчитывает время.

Проходит минута, вторая, а лодка противника идет прежним курсом. Неужели промах?

Первая торпеда и в самом деле прошла за кормой «эски».

- Открыть огонь из пушки! - закричал обычно хладнокровный Олави - он боялся, что лодка уйдет.

Один за другим прогремели два выстрела, на несколько секунд ослепив в темноте дульным пламенем всех, кто находился на мостике. Они еще не успели увидеть, попали снаряды в лодку или нет, как сверкнула вспышка и над морем прокатился мощный взрыв. Со стороны было видно, как корма торпедированной подлодки сразу ушла под воду. Нос задрался вверх, и с огромным дифферентом на корму, под большим углом, лодка ушла под воду.

- Полный вперед! - закричал Олави - он сам хотел убедиться в том, что лодка потоплена, а не погрузилась срочным погружением.

Когда подводная лодка имеет повреждения прочного корпуса, на поверхность всплывает соляр, масло, вещи из отсеков.

Через десять минут «Водяной» был на месте торпедирования. Включили поисковый прожектор. На поверхности воды расплывалось огромное масляное пятно, появлялись и лопались большие воздушные пузыри.

- Господин капитан, люди! - моряк на мостике указал на барахтающихся в воде людей.

- Поднять на лодку!

Взять пленных с торпедированной подлодки - это большая удача и редкость.

С воды подняли на палубу офицера и трех матросов.

Финны прошлись прожектором по волнам и, не обнаружив более никого из экипажа потопленной субмарины, надводным ходом вернулись в базу.

А несколькими минутами ранее «эска» шла надводным ходом под дизелями. Ночь была лунной, и это выручало - ведь лодка при работе дизелей не может «слушать» гидроакустической аппаратурой море.

Штурман снял пеленги с маяков, определяя координаты, - предстояло пройти пролив Южный Кваркен.

Володя несколько раз наблюдал в перископ, как свободно проходят узость корабли. Стало быть, мин там нет, и он хотел провести лодку в надводном положении. Кроме него и штурмана на мостике были еще два вахтенных сигнальщика, следившие за морем, да еще за кормовым орудием курил краснофлотец. В самой лодке курить было строгойше запрещено - ведь аккумуляторы при работе выделяют взрывоопасный водород, и хотя аккумуляторные ямы постоянно вентилировались, рисковать было нельзя.

Внезапно справа, на удалении 10-12 кабельтовых, сверкнула одна вспышка, и следом за ней - сразу вторая, потом донеслись звуки выстрелов.

Владимир отреагировал сразу:

- Всем в лодку, срочное погружение!

Вот только сдвинуться с места никто не успел. Корма лодки озарилась взрывом, уши заложило взрывной волной, и ходовой мостик ушел из-под ног. Владимиру даже показалось, что на какое-то время он отключился, потерял сознание.

Привела его в чувство холодная вода. Он откашлялся, выплевывая соленую морскую воду, и заработал руками, пытаясь удержаться на плаву. С ужасом он слышал, как трещало, хрустело и рвалось железо корпуса. Со страшным ревом в лодку - его лодку! - врывалась вода. Лодка стала быстро оседать на корму, задрапа нос и под углом градусов 60-70 ушла под воду.

Страшно было видеть гибель своего корабля. На месте, где только что была подлодка, лопнул воздушный пузырь, затем запахло дизтопливом.

Чтобы не быть затянутым в воронку, Володя что есть сил поплыл подальше от места катастрофы. Сейчас его гнал инстинкт самосохранения. Лодка, уходя на дно, может и его как пушинку утянуть за собой. Он думал, что остаться в живых повезло ему одному.

Лодка с разодранным торпедой корпусом опускалась на дно. Поскольку люки в отсеках были открыты и «на крючках» - для вентиляции свежим воздухом, туда беспрепятственно пошла вода.

Подняв взвесь, лодка с развороченной кормой легла на грунт, став саркофагом для экипажа.

А на поверхности продолжал мигать маяк на острове Седеррарм. Владимир плыл, держа курс на него. Бушлат намок, тянул вниз, и ему удалось, расстегнув пуговицы, сбросить его.

Послышалось гудение дизелей, и из мрака ночи возникла, как «Летучий голландец», подводная лодка. Она прошла мимо и остановилась у места разыгравшейся трагедии. Лодка была освещена луной, потом на мостике вспыхнул прожектор. Это та самая подлодка, которая их потопила!

Володя держался в воде на одном месте, стараясь запомнить силуэт врага и увидеть, что

будет дальше.

С воды было поднято несколько моряков с погибшей лодки. Странно, Володя их не видел в воде, не слышал криков. Или их разбросало взрывом в разные стороны? А может, сказалось то, что после взрыва он оглох на какое-то время и был без памяти?

Прожектор с лодки стал шарить лучом по воде. Когда пучок света приблизился, Владимир нырнул - в плен он не хотел. Лучше бы он погиб вместе с лодкой. Застрелиться бы, чтобы не мучиться, но пистолет в его каюте - теперь уже на дне.

Чужая подлодка описала полукруг, прожектор погас, и лодка медленно ушла в сторону финского берега.

Конечно, в Ботническом заливе и южнее его действуют финны, а центр, юг и запад контролируют германские подлодки. Небось командир финской лодки уже докладывает по радиации на свою базу о победе.

Вражеская лодка скрылась в темноте, только некоторое время еще слышался мерный стук работающих дизелей.

Володя попытался определиться, где он. До финского или шведского берега ему не доплыть - далеко, и вода холодная, долго он не продержится. Так ведь остров недалеко, и маяк моргает, не даст сбиться с курса.

Саженками Володя поплыл к острову. Когда уставал, ложился на спину и отдыхал. Но руки и ноги коченели в осенней балтийской воде, и он снова плыл, двигался. Эх, ему бы спасательный жилет, какие у них на Северном флоте!

От усталости и холода мышцы ног стало сводить судорогой. Володя понял, что долго ему не продержаться. И когда уже накатило отчаяние, ноги коснулись каменистого дна.

Надежда придала сил. Он ползком выбрался на берег, отполз от воды и рухнул без сил. Переведя дух, собрался с силами, поднялся. Снял с себя всю одежду, отжал ее, как только смог, и натянул, влажную, на тело. Надо было уходить с берега, пока темно. Насколько он помнил, взрыв произошел около двадцати часов.

Владимир поднял руку - узнать время - и увидел, что стекло часов было разбито. Он снял часы и швырнул их в воду. Пошарил по карманам флотских брюк - пусто. Ни документов, ни авторучки - ничего. Он попытался вспомнить, были ли документы в бушлате. Вроде не было. Согреться бы сейчас у костерка, да и «шило» не помешало бы.

Глаза привыкли к темноте, стали видны камни. Смутно, правда, но осторожно, не рискуя сломать ноги, идти можно.

Маяк стоял на возвышенном каменистом берегу, и к нему надо было взбираться.

Володя преодолел уже половину пути, от физических усилий немного согрелся. Тельняшка стала волглой и уже не так липла к телу, а брюки неприятно холодили.

Он сел, укрывшись от ветра за большим валуном, - передохнуть. Ну, выберется он сейчас к маяку, а дальше что? Он даже не знает, чья это земля - финская или шведская. Тут тысячи островов, и где граница, не всегда понятно. А в принципе лично для него - разница небольшая. Финны - союзники Германии, враги его страны. А шведы, хоть и считаются нейтральной страной, помогают Германии.

На востоке посветлело, начало всходить солнце. Стало теплее. Вот что удивительно: по прямой до Ленинграда не так уж и далеко, там конец октября довольно прохладный, и он в своей тельняшке окоченел бы. А здесь вокруг вода, влажность высокая, и таких морозов, как на Родине, нет. По ощущениям - градусов пятнадцать тепла. Конечно, в бушлате было бы куда уютнее, только он где-то плавает, если уже не утонул, намокнув.

После недолгих раздумий Володя решил идти к маяку. Сейчас война, молодые мужчины призваны в армию, и служба маяка не может быть многочисленной. Одно плохо - на маяке

наверняка телефон. Сразу сообщат в полицию о появлении русского. И с острова не сбежишь, вода кругом. Если только шлюпку какую-нибудь на побережье, в рыбацком поселке найти?

Он подобрался к маяку поближе, улегся за камнями и решил понаблюдать. Башня из камня сложена, и постройка старая, если не сказать - старинная.

За полчаса у маяка - никакого движения. Надо решаться. Володя поднялся и в открытую пошел к маяку.

Круглая башня довольно большого диаметра имела дверь. Он остановился перед ней на каменных ступенях, вздохнул и оглянулся.

Остров был небольшой, весь из камня, вершина голая, только на склонах, что спускались к морю, росли кустарники. Вокруг на десяток миль - только вода и многочисленные островки.

Володя решительно открыл дверь и вошел.

На нижнем этаже было что-то вроде хозяйственного помещения. Висели на гвоздях сети, лежали инструменты, в углу, в решетчатом ящике, - запасная стеклянная линза к светильнику маяка.

Наверх, на второй этаж, вела деревянная лестница. Володя направился туда. Лестница была сделана добротнo, на века - ни одна плашка ступеньки не скрипнула под ногой.

Второй этаж, в отличие от первого, мрачноватого, был залит солнечным светом, бьющим в небольшие, узкие, сводчатые окна. Судя по обстановке, этаж был явно обитаемым. Стоял большой стол, несколько стульев, широкий топчан в углу.

Послышались шаги - сверху по лестнице спускался смотритель маяка. Мужчина крепкого телосложения и, судя по морщинистому лицу и седым волосам, преклонного возраста. Он заметил Владимира, но не удивился.

- Эре! - поприветствовал он его. - Или здравствуй?

«Здравствуй» - это уже по-русски, но с сильным, как у прибалтов, акцентом.

- Добрый день, - ответил на приветствие Володя. - А как вы узнали, что я русский?

- По тельняшке. Такие полоски только у русских моряков. Садись. Кушать хочешь?

- Не откажусь.

Смотритель подошел к шкафу в углу, достал из него хлеб и копченое мясо.

- Подожди, сейчас чайник согрею.

Володе было странно, что смотритель говорил по-русски и не задавал лишних вопросов. Он решил спрашивать сам:

- Где я?

- На Аландских островах.

- Кому они принадлежат?

- С тысяча девятьсот двадцатого года - Финляндии, а до того - императорской России.

Володя был удивлен - этого он не знал. Сторож уловил его удивление:

- Архипелаг имеет автономию. У нас свой риксдаг, свое правительство, свой флаг и даже свои деньги - далеры, в отличие от финской марки. Представь себе - на островах живут шведы, финны только в нашей столице, да и то чиновники.

- А русский откуда знаешь?

- Так у нас половина жителей, особенно те, кому больше сорока, по-русски могут говорить. При русском царе жили, и даже столица в честь его жены названа. Правда, давно это было. А вот и чаек согрелся, завтракать будем.

Смотритель разлил кипяток в две большие кружки, бросил в них по щепотке чая, порезал хлеб и мясо.

- Ешь.

Уговаривать Володю не пришлось. Ел он давно, а заплыв в холодной воде и прохладная

ночь забрали силы - ему надо было подкрепиться.

Он откусил большой кусок бутерброда, отхлебнул, подув, горячего чая. Чай был хорош - терпкий, крепкий.

Смотритель тоже ел, но, в отличие от Володи, степенно. Доев, смахнул в ладонь крошки со стола и бросил их в рот.

- Рассказывай, - спокойно попросил он.

Володя бросил мимолетный взгляд на нож, которым смотритель резал хлеб и мясо. Смотритель перехватил его взгляд, усмехнулся:

- Без меня тебе с острова все равно не выбраться.

Володя смутился. У него и в мыслях не было убивать старика. Человек его приютил, накормил - за что же платить черной неблагодарностью?

- Раньше, лет двадцать назад, когда я был значительно моложе, хаживал я в ваши порты: в Мурманск, Архангельск. Даже в Петербурге был - его большевики тогда Петроградом называли. Красивый город, а женщины какие!

Глаза смотрителя блеснули. Видимо, в молодости швед был еще тот парень, не промах.

- Ночью далеко в море взрыв был, я слышал, - продолжал смотритель.

- Был, - кивнул Володя. - Нас потопили.

- Подводник?

- Почему вы так решили?

- Так обычным кораблям входа в Балтику у Советов нет. Уже больше года я ваших вымпелов в море не видел.

- Подводник, - не стал скрывать Володя. Да и зачем скрывать очевидное? Смотритель - старый морской волк и ситуацию на Балтике не хуже, а может, и лучше него знает.

- К своим тебе не выбраться, - спокойно заметил смотритель.

- Совсем никак? - упал духом Владимир.

- Только кружным путем. Крепко думать надо. Поживешь пока у меня, а там решим. Еще вот что - переодеться тебе надо. Я тебе одежонку подберу, уж больно тельняшка у тебя приметная. Языки-то знаешь какие?

- Английский только. В школе учил и в Морском корпусе.

- Уже хорошо.

Смотритель поднялся по лестнице на третий этаж и через полчаса спустился с одеждой в руках.

- Примерь, должно подойти.

Смотритель был немного выше Володи и крепче, шире в кости. Ну да рабочая одежда - не фрак.

Они подобрали рубашку, штаны, ботинки. Все не новое, но крепкое.

Владимир переоделся и подошел к старому, пожелтевшему зеркалу. В нем отразился типичный финский или шведский рыбак.

- Вроде неплохо получилось, - критически оглядел его смотритель. - Эх, если бы еще знал шведский или финский язык, совсем бы хорошо было.

Владимир лишь развел руками.

- Вот что, давай вздремнем. У меня работа ночная, днем отдыхаю. И у тебя, полагаю, ночь бессонная выдалась?

Володя кивнул.

- Ложись на топчан, а я наверху.

- А чужие не придут?

- Не должны. Если со службы, то звонят. Они через четыре дня появятся, хлеб да другие

припасы привезут.

Смотритель поднялся на третий этаж.

Володя подошел к окну. С острова, с высоты маяка, было далеко видно. По водной поверхности моря скользили суда. Володя аж зубами скрипнул. Корабли врага по Балтике ходят, как у себя дома, во внутреннем море. Погодите, придет время, переломят немцам хребет после Курской дуги - тогда посмотрим, чья возьмет.

Володя улегся на топчан, закрыл глаза и сразу провалился в глубокий сон. Слишком много пришлось ему пережить за прошедшие сутки: гибель лодки и своих боевых товарищей, свое спасение - почти чудом. И еще со смотрителем повезло. Мало того, что он русский язык знает, так и к нему отнесся по-человечески, на что Володя не рассчитывал.

Проснулся он уже вечером - от того, что вкусно пахло. В помещении ходил смотритель.

- Вставай, моряк, кушать пора. Скоро темнеть начнет, мне маяком заниматься надо.

На столе стояла сковородка, на которой скворчало жареное мясо и картошка.

Есть хотелось сильно, и Володя подсел к столу. Наелся он до отвала, потом чайком побаловались с сахаром.

- Тебя как звать, моряк?

- Володя.

- Меня - Олаф. Вот и познакомились. Ну, мне наверх надо.

- Помочь?

- Сколько лет сам обходился и теперь сам справлюсь. Работа несложная - лампу зажечь да линзы протереть. Сегодня отдыхай.

Смотритель поднялся по лестнице наверх, и вскоре зажегся фонарь маяка. А Володя снова подошел к окну.

Судоходство почти прекратилось, лишь одинокий буксир рассекал волны. «Ага, побаиваетесь наших подлодок!» - с чувством некоторого удовлетворения подумал Володя.

Ночью он спал плохо. Только начинал засыпать, как перед глазами вставала картина тонущей лодки, хруст и треск ломающегося железа, рев врывающейся в отсеки воды. Он просыпался в холодном поту. Погубил лодку!

Промучился Володя всю ночь и утром проснулся разбитым, с тяжелой головой.

После того как они с Олафом позавтракали, смотритель предложил Володе помочь наколоть дров - ведь помещение башни и та же печь для приготовления пищи отапливались дровами.

Полдня до обеда Володя колот дрова, а потом складывал их в сарае.

Олаф вышел, посмотрел на работу и удовлетворенно кивнул:

- Славно поработал, мне на два-три месяца теперь хватит. Ладно, заканчивай, обедать пора.

Так прошло два дня, а утром третьего Олаф сказал:

- Сегодня ко мне человек прибудет, так ты побудь наверху, не показывайся.

Гостя смотрителя Володя увидел издали, когда он поднимался по тропинке к маяку. Он сразу сообщил об этом Олафу, а сам поднялся наверх.

Гость разговаривал громко, особенно после выпивки. Но о чем - понять было невозможно, поскольку говорил он по-шведски.

После обеда гость ушел вниз, к морю.

- У него что, лодка?

- Бот рыбацкий.

- Не похож он на рыбака.

- Он не рыбак. Как это по-русски? Уже язык забывать стал... У него разные деликатные дела, не всегда законные. Какой-то товар перевезти. На хлеб себе зарабатывает.

- Контрабандист.

- Да, просто я это слово забыл.

На следующий день после завтрака жареной рыбой Олаф попросил Владимира посидеть в хозяйственном сарае, где хранились дрова.

- Сегодня должны быть люди из службы маяков - привезут провизию и жалованье. Им не надо тебя видеть.

Олаф запер Владимира в сарае, навесил на дверь замок.

Володя сидел на дровах в полутьме сарая и раздумывал - не сдаст ли его Олаф своим шведам? Чужая душа - потемки. Физически он с Владимиром справиться не мог, хотя крепок был не по годам. А вот усыпить его бдительность своим дружелюбием - запросто. Тем более что сейчас Володя под замком и безоружен, бери его голыми руками. А смотритель может награду за это получить или премию.

Володя сидел в сарае как на иголках.

У башни маяка слышались голоса. Володя приник к щелям между досками.

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

26.07.2012